

«ДРАМА ВЕЛИКОЙ И ПРОСТОЙ ЖИЗНИ»: ПАМЯТИ АНДРЕЯ ПЛАТОНОВА

Н.М. Малыгина

ОБРАЗ ОТЦА В ТВОРЧЕСТВЕ АНДРЕЯ ПЛАТОНОВА

Об отношении Платонова к отцу свидетельствуют его поступки. Во-первых, о глубоком уважении к отцу говорит тот факт, что будущий писатель образовал свой литературный псевдоним от его имени: Платон. О.Г. Ласунский высказал предположение, что литературный псевдоним писателя мог родиться случайно – из-за привычки подписываться «старинным и простонародным способом – Андрей Платонов (вместо „Платонович“) Климентов: «...это произошло, надо полагать, полуавтоматически: в ранних деловых бумагах будущий сочинитель, привыкший к подобному начертанию отчества, ... в дальнейшем просто отринул родовую фамилию – так возник знаменитый псевдоним» [3, с. 22]. В честь отца он назвал своего единственного сына Платона (1922–1943). Отец писателя – слесарь воронежских паровозоремонтных мастерских Платон Фирсович Климентов (1870–1952) был не просто рабочим, он был мастером, т.е. принадлежал к редкой и малочисленной категории мастеровых, которых высоко ценил его сын-писатель. Незадолго до смерти, в 1949 году Платон Фирсович в письме сыну Петру (младшему брату Андрея) сообщал о своей родословной: «Я родился в городе Задонске, мещанин, в 1870 году. <...> Мать твоя родилась в 1875 году <...> в городе Задонске. Крещение наше было – ее и мое – тоже в Задонске, в Успенском соборе» [15].

Отец Платона Фирсовича работал землекопом на шахте и погиб при аварии. Мать была домашней хозяйкой. В Задонске Платон Климентов закончил приходское училище, с двенадцати лет начал работать. С 1891 года Платон Климентов служил в царской армии. Он выделялся приятной внешностью, ростом, был принят в лейб-гвардии кавалерийский полк. Прослужил пять лет в Петербурге, получил звание старшего унтер-офицера, вернулся в Воронеж и устроился в воронежские железнодорожные мастерские. Сведения об отце Платонова сохранил очерк «О товарище Климентове» (1931), напечатанный в журнале «Подъем» [5]. Ценно то, что воронежский журналист и прозаик Борис Песков написал очерк со слов самого старого мастера. В 1931 году передовой рабочий П.Ф. Климентов был представлен к ордену Ленина. Его успели публично поздравить, но награды он не дождался.

Ценные сведения о судьбе отца Платонова собрали В.А. Свительский и О.Г. Ласунский. Однако, осталось незамеченным, какое место занял образ отца в творчестве Платонова. Впервые образ отца появляется в рассказе Платонова «Волчок», увидевшем свет в газете «Красная деревня» 8 октября 1920 года [13, с. 254–257]. Рассказ был дорог автору: в семейном архиве писателя в память о его единст-

венной прижизненной публикации сохранилась вырезка из газеты с авторской правкой. В рассказе сделан лишь набросок фигуры старого рабочего, но в нем уже угадываются главные черты оригинального типа платоновских персонажей. Подросток из рассказа пытается найти у отца ответы на мучающие его вопросы о сущности бытия: «... не знает ли он чего, чего еще никто не знает и про что и в книгах не написано» [13, с. 255]. Такая постановка вопроса генетически связана с традициями русской житийной литературы. В «Житии Сергия Радонежского» приметой избранничества отрока Варфоломея становится то, что ему никак не давалась грамота, т.к. нужно было, чтобы он от Бога, а не от людей получил знания. Платоновский герой-рассказчик надеется у отца выяснить нечто такое, что невозможно узнать от людей или из книг. Но отец не знает истины, насущно необходимой его сыну. Изношенный тяжелым трудом рабочий, открывает сыну горькую правду: «Я всю жизнь ... работал, кормил вас и одевал, не мог никогда думать, а теперь отвык. Теперь жизнь другая и я все растерял, <...> я умирался и сидя сплю» (Курсив мой – Н.М.) [13, с. 256]. Здесь определена ключевая ситуация платоновского мира: человек растратил все силы на тяжелый физический труд, потерял способность к созерцанию и размышлению. Его жизнь ограничивается заботой о биологическом выживании семьи. В то же время, в рассказе «Волчок» есть строки, подтверждающие, что у отца сохранялась потребность в духовной жизни: «...я все думаю про Бога, но его тоже не могу узнать» [13, с. 256]. Надежду на лучшую жизнь отец оставляет сыну. В наказе отца: «Но я люблю тебя, и ты, может, выйдешь на большую дорогу, тогда делай, что хочешь...», – сын ясно улавливает завещание найти истину, которая неизвестна отцу. Наставление отца в рассказе «Волчок» – предначертание той платоновской формулы, которую автор вкладывает в уста Захара Павловича и адресует Александру Дванову: «...ты сирота, тебе жизнь досталась задаром. Не жалей ее, живи главной жизнью» [14].

Образ отца в рассказе «Волчок» содержит в свернутом виде черты героя повести «Ямская слобода». Платонов совершил художественное открытие драмы рабочего человека, лишенного сил на осознание своей жизни и высказывание мысли. В образе старого рабочего Платонов выявил страстный порыв к преодолению безъязычия взрастившей его среды. Юродивый, причудливый язык Платонова родился из стихии растительного существования, где люди обречены на безмолвие, придавленные к земле безжалостной эксплуатацией.

Через месяц после рассказа «Волчок» Платонов опубликовал очерк «Герои труда. Кузнец, слесарь и

литейщик», который был напечатан 7 ноября 1920 года в праздничном номере газеты «Воронежская коммуна», выпущенном к третьей годовщине революции. Платон Фирсович стал одним из героев очерка, т.к. ему впервые было присвоено звание «Героя труда» [6]. Первое награждение героев труда в Воронеже состоялось 13 декабря 1920 года. Об этом событии сообщала «Воронежская коммуна» в рубрике: «К чествованию героев труда» [9].

В очерке «Герои труда Кузнец, слесарь и литейщик» Платонов писал: «Те люди, о которых я буду говорить, люди старые, даже религиозные, глубоко привязанные к семье, к старым пережиткам, почти темные, но с прекрасными дальновзоркими глазами, светлыми головами и сердцами революционеров ... одарены твердой, неутомляющейся любовью... ко всему и к каждому... эта любовь держит их у станков голодными и раздетыми и все-таки, сквозь шепот и ненависть, заставляет надеяться на успех нашей революции и работать на нее день за днем» [6]. С болью рассказывал Платонов о судьбах старых мастеров: «Вот среди нас жили десятки лет великие герои, мученики и гении терпения и труда, а о них никто не знал, их держали, как зверей, на окраинах города в черноте тела, в темном безумии полусонной, сжатой жизни, их томили в тисках нищеты и безнадежности» [6].

Платонов писал об отце: «Платон Фирсович Климентов, или просто Фирсыч, Фирсаных, слесарь гидравлического пресса колесного цеха» воронежских железнодорожных мастерских. Проработал 25 лет, получил грыжу, потерял зрение и почти ослых» [6]. Отец Платонова – талантливый механик, изобретатель, был личностью незаурядной. Платонов высоко ценил технический талант и мастерство отца: «Климентов с товарищем по работе Терентьевым (теперь уже умершим человеком) изобрели особый прибор для определения угла опережения при насадке паровозных кривошипов. Он страшно облегчил и ускорил им работу. А главное, увеличил точность ее и сберег от преждевременной порчи не одну паровозную машину. Раньше же этот угол определяли линейкой и угольником, и до желаемой точности надо было каждый раз домучиваться, т.к. точность очень велика, кажется, 1-2 миллиметра. Линейке и угольнику до нее далеко» [6].

Имелось ввиду изобретение «Прибора для проверки взаимного положения контр-кривошипов ведущей оси паровозов любой серии», за которое П.Ф. Климентов получил официально оформленное авторское свидетельство [2]. Об изобретениях отца Платонов писал в статьях 1921 года «Два изобретения» и «Слесарь Климентов – изобретатель», опубликованных в воронежских газетах [7; 11]. Строки очерка: «... их держали, как зверей, на окраинах города в черноте тела, в темном безумии полусонной, сжатой жизни, их томили в тисках нищеты и безнадежности» [6], – продолжают мотив, намеченный в рассказе «Волчок», где проведена параллель между образом отца и самого близкого друга автобиографического героя – собаки Волчок.

В имени собаки не случайно обозначено ее волчье происхождение. Этот мотив получит разви-

тие в повести «Рассказ о многих интересных вещах», где отец автобиографического главного героя – мифический персонаж: «В волчьей тоске зачал Ивана волк – Яким, человек почти не существующий» [10]. Кровное родство героя повести с волками позволяет ему приручать волков и указывает на его связь с фольклорным образом Егория [4].

В 1940-м году Платонов, работая над рассказом «Старый механик», вернулся к ключевым образам и мотивам своего очерка «Герои труда»¹ [12; 8, с. 170-176]. В герое рассказа «Старый механик» Петре Савельиче можно заметить черты его реального прототипа. Из очерка об отце в рассказ «Старый механик» перемещается знаковая деталь – «паровозный палец», а также – ключевой фрагмент текста, посвященный его описанию. Платонов писал в очерке: «Его работа еще более высшее мастерство ... Она требует внимания, сосредоточенности и аккуратности. Заключается она в насадке и выдавливании под прессом паровозных пальцев, кривошипов и осей. Малейшая неточность – и вещь испорчена. Требуется математический расчет и миллиметровая тщательность» [6].

Платонов со знанием дела употребляет технические термины: «Палец» – «валик или стержень округлой формы, укрепляемый на конце одной из движущихся частей механизма и служащий осью вращения для другой соединенной с ним части»; «Кривошип» – «звено кривошипного механизма, которое может совершать полный оборот вокруг неподвижной оси». «Паровозные пальцы срабатываются. Климентов их выдавливает и вставляет новые, и ни разу не было, чтобы они преждевременно ослабли, были не так вставлены, а на новых паровозах (т.е. еще не отремонтированных, заводских) такие штуки бывают часто» (курсив мой – Н.М.) [6]. Платон Фирсович переживал, что «паровозные пальцы срабатываются», а Петр Савельич беспокоится, что у его паровоза «палец греется»: «Всю поездку мучился, боялся, что в кривошипе получилась слабизна и палец проворачивается на ходу. Мало ли что может быть!» [8, с. 170] Его заботу разделяет жена Анна Гавриловна: «А этак-то куда ж оно годится, ты мне всю машину искалечишь, а чего тогда с тебя взять? <...>

– А палец-то ведь греется! – упрекнула Анна Гавриловна. – Глядишь, он погрееется, погрееется, а потом и отвалится, вот и станет машина калекой!» [8, с. 170].

Из очерка об отце в рассказ переносится забота героя о тех самых паровозных пальцах, которые 25 лет выдавливал под гидравлическим прессом слесарь воронежских железнодорожных мастерских Климентов. В рассказе обозначен мотив метели и пурги, напоминающий о метели революции из повести «Сокровенный человек» и о работе на снегоочистителе отца писателя и героя повести Фомы Пухова. «Слесарь Климентов ездил несколько самых суровых снежных зим, год-два назад, со снегоочистителем. Эта работа требует героизма и терпе-

¹ Рассказ впервые увидел свет в журнале «Тридцать дней» в 1940 году.

ния в огромных размерах и сопряжена с прямой смертельной опасностью. Особый вагон, снабженный аппаратом для очистки рельсов от снега, цепляется к паровозу, и тот развивает огромную скорость, так как очистка при этом совершенней. Вагон врзается в сугробы и сбрасывает их крыльями далеко в стороны. При сравнительной легкости вагона опасность схода с рельсов на полном ходу очень велика.

Сама работа в мороз и вьюгу и бесконечность ее во времени, ибо при сильных заносах снегоочиститель работает непрерывно, пока не очистит своего участка. Необходимо уметь не спать и напряженно без понижения работать, так как переезды вагон проскакивает без работы и надо вовремя, по команде, поднимать ножи, иначе можно наткнуться на переезд и быть сброшенным под откос» [6].

О.Г. Ласунский обнаружил личное дело П.Ф. Климентова, хранящееся в фонде Управления ЮВЖД, где есть удостоверение от 15 ноября 1919 года. Документ подтверждает, что слесарь Воронежской дистанции П.Ф. Климентов был командирован в Козлов (ныне – Мичуринск) для сопровождения оттуда трех снегоочистителей в Отрожку на ремонт, и зимой 1919–1920 гг. должен был обслуживать их на Воронежской, Лискинской и Анненской ветках [1; 3, с. 19]. «В этой борьбе за чистый путь были удивительные случаи рабочей выдержки и упорства ... И это слесарь Климентов в зимние вьюги пробивал сугробы своей машиной, чтобы пускать за собою вслед воинские эшелоны на Деникина. По десяти суток он не выходил из машины и почти не спал, не раз насккакивал на неодолимые снежные горы и их заносило до крыши» [6].

Установлено, что отец Платонова участвовал в боевых действиях Красной Армии на Южном и Юго-Восточном фронтах зимой 1919–1920 годов против Добровольческой армии Деникина. В рассказе Петр Савельич возвратился домой из поездки, которую провел «в пурге и на морозе, почти сутки, но усталости не чувствовал, потому что всю жизнь привык работать» [8, с. 170]. В очерке Платонова об отце была фраза, ставшая печальным пророчеством: «...тянется его жизнь, как не распутанная нить, и живет он, как чужой. Никому до него нет дела, только ему есть до всех» [6]. В последние годы своей долгой жизни, пережив старшего сына, Платон Фирсович ослеп и остался в одиночестве, беспомощный и никому не нужный. Из этих размышлений Платонова несколько десятилетий спустя в рассказе «Старый механик» рождается одна из самых известных платоновских формул бытия: «А без меня народ неполный» [8, с. 173]. Из уст старого мастера звучат слова, которые чаще всего вспоминают, когда заходит речь о Платонове. Опасения старого механика и его жены сбываются: по вине молодого помощника машиниста Кондрата сломался паровоз, к которому герои Платонова относились как к члену семьи:

«– Как же ты пальца-то не услышал! – угрожающе сказал Кондрату Петр Савельич – Ведь он стонал и кричал перед тем, как ему повернуться в гнезде!» [8, с. 176].

Петр Савельич решает усыновить своего молодого помощника сироту Кондрата в сыновья, потому что они с женой много лет назад потеряли единственного сына того же возраста.

Старый механик понимает, что только сила любви способна вырастить из Кондрата настоящего мастера: «...я его усыновлю и воспитаю, чтоб из него большого механик вышел...». Жена старого мастера поняла своего мужа [8, с. 176].

В рассказе «Фро» черты реального прототипа просвечивают в образе отца Ефросиньи Нефедовой. Платонов пишет о старом машинисте с необычайной теплотой, любовью и сочувствием. Этот скромный персонаж дорог автору ничуть не меньше героини рассказа. В 1938 году в рецензии на роман А. Савчука «Так начиналась жизнь». Платонов выделил образ отца героя: «...пожилого высококвалифицированного рабочего» [16]. Старый мастер напомнил ему отца.

Литература:

1. ГАВО, ф. И-33, оп. 52, д. 2093, л. 15.
2. Комментарии // Платонов А. Сочинения: Научное издание. Т. 1. Кн. 2. Статьи. – М.: ИМЛИ РАН, 2004. С. 351.
3. Ласунский О.Г. Житель родного города. Воронежские годы Андрея Платонова. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1999.
4. Малыгина Н.М. Комментарии. Рассказ о многих интересных вещах // Платонов А. Усомнившийся Макар. Рассказы 1920-х годов. Стихотворения. Собрание сочинений / Под ред. Н.М. Малыгиной. – М.: Время, 2009. С. 617.
5. Песков Б. О товарище Климентове // Подъем. 1931. № 6-7. С. 58-61.
6. Платонов А. Герои труда. Кузнец, слесарь и литейщик // Воронежская коммуна. 1920. 7 ноября. С. 1.
7. Платонов А. Два изобретения // Трудовой клич. 1921. 7 апр. № 25. С. 2.
8. Платонов А. Избранные произведения: В 2 т. Т. 2. – М.: Худ. лит., 1978.
9. Платонов А. О них // Воронежская коммуна. 1920. 12 декабря. С. 1.
10. Платонов А. Рассказ о многих интересных вещах // Платонов А. Усомнившийся Макар. Рассказы 1920-х годов. Стихотворения. Собрание сочинений / Под ред. Н.М. Малыгиной. – М.: Время, 2009. С. 348.
11. Платонов А. Слесарь Климентов – изобретатель // Наша газета. 1921. 28 окт. № 23. С. 3.
12. Платонов А. Старый механик // Тридцать дней. 1940. № 11-12.
13. Платонов А. Усомнившийся Макар. Рассказы 1920-х годов. Стихотворения. Собрание сочинений / Под ред. Н.М. Малыгиной. – М.: Время, 2009.
14. Платонов А. Чевенгур. Котлован. Собрание сочинений. – М.: Время, 2009. С. 66.
15. Свительский В.А. Андрей Платонов вчера и сегодня: Статьи о писателе. – Воронеж, 1998. С. 138.
16. Человеков Ф. Так начиналась жизнь // Литературное обозрение. 1938. № 16.